

DOI 10.32726/2411-3417-2022-4-98-114

УДК 94

ОКСАНА КОРНИЛОВА

«Серая зона» Катynie, Холокост и польский коллаборационизм

Аннотация. Историко-политический концепт «катынское преступление» — ярчайший пример стратегической ментальной войны. Нарратив о катынском деле с самого начала строился по дуалистической схеме «палачи — жертвы». Из исследовательского поля была исключена большая группа акторов, в той или иной мере причастных к пропагандистской акции вокруг останков в Козьих горах, организованной нацистской Германией в апреле 1943 г., в условиях коренного перелома во Второй мировой войне, чтобы вбить клин между союзниками по антигитлеровской коалиции. Автор предлагает рассматривать катынское дело с учетом методологии, разработанной исследователями Холокоста, а именно учитывать «серую зону» — очевидцев, бенефициаров разного рода, вовлеченных лиц и другие группы. Проведенный анализ выявляет активное участие в катынской провокации 1943 г. польских коллаборационистов и позволяет говорить о прямой связи между появлением катынского дела и Холокостом. Представляется перспективным изучение катынского вопроса в контексте государственной антисемитской политики межвоенной Польской Республики, соучастия польского населения и аковцев в Холокосте, а также позиции ведущих мировых держав и международных организаций в отношении Холокоста.

Ключевые слова: катынское дело, катынская провокация, Холокост, польский коллаборационизм, антисемитизм, катынский нарратив, бенефициары.

Историко-политический концепт «катынское преступление» — ярчайший пример стратегической ментальной войны [Ильницкий, с. 24–35], которая на протяжении нескольких десятилетий велась против Советского Союза и в настоящее время ведется против России. С апреля 1943 г., когда с подачи нацистских СМИ словом Katyn стали называть обнаруженные в местечке Козьи горы под Смоленском польские захоронения, и до настоящего времени понятие Katyn несколько раз меняло свое содержание. В итоге оно стало транснациональным символом [Etkind, p. 2, 8–9], на основе которого уже несколько десятилетий во многом строится польская национальная идентичность и формулируются современные историко-политические концепции «первой советской оккупации» 1939–1941 гг. и «второй советской оккупации» послевоенного периода.

Сведения об авторе: КОРНИЛОВА Оксана Викторовна — историк, член Российского военно-исторического общества, кандидат исторических наук, smolkorn@mail.ru.

Конструкт «Катынь» является значимой составляющей системы образно-символических представлений, итогом навязывания которых массовому сознанию становится возложение на СССР ответственности за развязывание и начало Второй мировой войны. В рамках предложенного П. Нора концептуального подхода к изучению «мест памяти» (*lieux de mémoire*) [Нора] Katyn можно определить как идеологию-память польской нации. Согласно мнению П. Нора, в современных условиях глобализации, медиатизации и атомизации общества именно такие «места памяти» призваны восполнить ушедшую в небытие историю в ее классическом понимании.

Весной 1943 г. нацистская катынская провокация сыграла свою роль, став формальным поводом для разрыва дипломатических отношений между Советским Союзом и польским правительством в Лондоне. Кроме того, очередной внутренний кризис эмигрантского кабинета В. Сикорского, спровоцированный «меморандумом Кукеля» в связи с катынским вопросом, вывел на ключевые позиции тех польских политиков и военных, которые были ориентированы на сотрудничество с Германией в борьбе против СССР (военный министр М. Кукель, заместитель командующего и будущий командующий Армией Крайовой Т. Коморовский и др.). Катынская акция решала и такой важнейший вопрос, как отвлечение внимания мирового сообщества от уничтожения европейского еврейства, которое на территории Генерал-губернаторства совершалось германскими нацистами при участии польских коллаборантов. В данном случае принципиальное значение имело признание Великобританией, США и рядом европейских стран того факта, что в Генерал-губернаторстве евреи не просто живут в гетто в изоляции от остального населения, но происходит их массовое физическое уничтожение (декабрь 1942 г.).

Евреи составляли значительную группу населения (около 10% в 1939 г.) Польской Республики. Как подчеркивает мексиканский исследователь Холокоста Дэвид Саймет, «окончательного решения» в отношении этой группы страстно желали очень многие в политических партиях, католической церкви, среди ведущих политических деятелей Польши. Автор книги «История против апологии» (*"History vs. Apologetics: The Holocaust, The Third Reich, and the Catholic Church"*) убедительно доказывает, что польский государственный антисемитизм являлся одним из основных факторов, которые привели к Холокосту на польской территории. Ни в коем случае не отрицая преступную роль нацистской Германии, Д. Саймет показывает, что отношение поляков к евреям накануне, во время и после Второй мировой войны не было спорадическими спонтанными вспышками антисемитских предрассудков. Наоборот, имел место хорошо спланированный национальный проект польского государства и народа в целом по устранению евреев (*elimination*) из своей среды. Еще в межвоенный период польская государственная политика по устранению евреев, которая началась с погромов, экономического притеснения, поражения в гражданских правах и попытках принудить евреев к эмиграции, заключает Саймет, подготовила гитлеровское уничтожение евреев (*extermination*). В годы Второй мировой войны основным соисполнителем нацистских акций по уничтожению польских евреев, так же как и советских партизан и военнослужащих, мирного советского населения, была Армия Крайова [Саймет, с. 169].

Стоит обратить внимание на то, что именно польские коллаборанты, которые так или иначе помогали нацистам в «окончательном решении еврейского вопроса», активно поддерживали катынскую провокацию и способствовали ее широкому пропагандированию в геббельсовской формулировке.

Отметим, что в историческом дискурсе, посвященном преступлениям нацизма, изначально присутствуют две стороны — «жертвы» и «преступники». Согласно образному заголовку одной из работ польского историка Т. Вольша, Катынь — это всегда «палачи» («katy») и «жертвы» («katowani») [Wolsza Katyń... S. 28–30]. В существующей западной и отчасти российской историографии тема Катыни рассматривается именно в этой дуалистической модели: «жертва» (Польша) и «преступник» (Советский Союз), от которого «жертва» получила «предательский удар в спину» 17 сентября 1939 г. Часто утверждается, что если бы Красная армия в сентябре 1939 г. не вошла на западные территории Белоруссии и Украины, то польская армия победила бы вермахт. В сложившемся за десятилетия катынском нарративе все поляки, причисленные к лику «катынских жертв», показаны как герои, борцы за свободу и независимость своего государства. Преступниками («катоми»), согласно этим разработкам, являются не только Сталин и подписавшие так называемую «записку Берии» высокопоставленные государственные деятели СССР, но и служащие лагерей для польских военнопленных, и конвойные войска, и все сотрудники причастных областных УНКВД от начальника до шофера. Преступным объявлен советский строй, идеология которого, как утверждается, позволила осуществить «геноцид поляков». Преступлением объявлена внешняя политика Советского Союза, прежде всего — Договор о ненападении между СССР и Германией, подписанный 23 августа 1939 г.

Но если с точки зрения национального самосознания поляков данный набор утверждений хотя бы логично встраивается в общий польский исторический нарратив, то навязывание такой концепции российскому обществу вызывает закономерное отторжение. Тем более что к исторической истине она имеет отдаленное отношение. В том числе — помимо других аспектов, которые в данной статье не рассматриваются [см. напр.: Кикнадзе «Катынь»... Он же Как защитить... с.166–188; Корнилова Возникновение... Она же Польские...], — потому, что эта концепция игнорирует проблему польского коллаборационизма. Между тем важная роль в деле пропагандистского использования «катынской правды» была отведена польским коллаборантам и бенефициарам разного рода.

В исследованиях, посвященных коллаборационизму поляков в годы Второй мировой войны (например, современного немецкого историка Штефана Ленштадта, американского исследователя Холокоста Джошуа Д. Циммермана, как и Д. Саймета), не раз отмечались трудности в изучении этого явления: одна из них состоит в самом определении понятия «польский коллаборационист». С одной стороны, слово «польский» может относиться к этническим полякам, с другой — его можно применить к гражданам довоенного польского государства любой национальности — например, украинцам. Так, Ш. Ленштадт называет дискуссионным вопрос, можно ли считать «польским кол-

лаборационизмом» те преступления (прежде всего, участие в Холокосте), которые совершали украинцы, являвшиеся польскими гражданами [Lehnstaedt Land... S. 53]. Этот вопрос актуален, в частности, в отношении печально известных травниковцев — военнопленных, перешедших на службу СС и прошедших подготовку в нацистском учебном центре (лагере) для лиц, направляемых в карательные, охранные и полицейские подразделения, который располагался в Травниках вблизи Люблина.

По данным польского историка А.Л. Сова, с осени 1942 г. до лета 1944 г. представителями польского подполья было убито около 11 500 поляков и украинцев как коллаборантов [Sowa, S. 674; см. также Gondek]. Критерием отнесения к коллаборантам в данном случае выступала личная инициатива тех, кто шел на сотрудничество с нацистскими оккупационными властями. К ним безусловно относились шпионы, доносчики, вымогатели (*szmalcovnicki*) и другие группы явных пособников и предателей. В то же время в качестве коллаборантов не рассматривались поляки, служившие нижними чинами гражданской немецкой администрации, вооруженные рабочие-полицейские, а также фольксдойче, которые хотели установления немецкой власти (хотя по сути они становились бенефициарами ее действий) [Lehnstaedt Land... S. 54].

Существует понятие «серой зоны», в которую в исследованиях, посвященных Холокосту, включают бенефициаров, наблюдателей, часть коллаборационистов, вовлеченных лиц, — т.е. всех тех, кто причисляется к промежуточным категориям между жертвами и преступниками. Проблематике «серой зоны» в более широком плане — а именно в «нарративах о диктаторских режимах» прошлого и исторической памяти — в значительной мере был посвящен международный симпозиум, состоявшийся 20 мая 2022 г. в Ирландии [Cultural Memory...].

Профессор Ш. Ленштадт предлагает рассматривать польский коллаборационизм в привязке к национальному составу довоенного польского государства, а именно, в контексте тех категорий населения, на которые были разделены граждане довоенной Польши. Кроме того, важно учитывать разницу статусов оккупированных польских территорий: Генерал-губернаторства и той части Польши, что была присоединена к рейху [Lehnstaedt Land... S. 53].

Западные территории Второй Речи Посполитой характеризовались преобладанием немецких национальных меньшинств. Многие представители немецких народностей получили статус фольксдойче, которых нацистские оккупанты стремились включить в состав так называемой *Volksgemeinschaft* («народной общности»). В 1938 г. в Польше проживало около 1,2 млн человек, которых можно было отнести к фольксдойче [Götz]; большинство из них проживало в западных частях страны, инкорпорированных в Третий рейх, таких как рейхсгау Вартеланд с центром в Позене (Познани) или рейхсгау Данциг-Западная Пруссия с центром в Данциге (Гданьске). Только вокруг Варшавы, по данным 1930-х годов, проживало около 310 тыс. этнических немцев. Фольксдойче, в свою очередь, были разделены нацистами на четыре группы; принадлежность к первым двум давала статус гражданина Третьего рейха.

Согласно этой классификации, фольксдойче можно отнести к группе бенефициаров оккупации, так как многие из них получили гражданские права, им отдавался приоритет при назначении на службу в административные органы, что обуславливало гарантированный и стабильный доход и имущественные права. Фольксдойче нередко организовывали отряды вспомогательной полиции, а также отряды самообороны (Selbstschutz), которые не только поддерживали «новый порядок», но и совершили целый ряд преступлений в отношении своих бывших сограждан (поляков и евреев) [Lehnstaedt Land... S. 64].

Если использовать данные теоретические наработки при анализе катынского кейса, то к числу польских коллаборационистов (и бенефициаров польско-немецкой версии Катынского дела) следует отнести, например, двух известных публицистов — Ю. Мацкевича и Ф. Гетеля.

Юзеф Мацкевич — автор книги «Катынское преступление в свете документов», которая вошла в ядро «классической» западной литературы на тему Катыни. Проживавший в Вильно (Вильнюсе) до Второй мировой войны Ю. Мацкевич после июня 1940 г. какое-то время работал чернорабочим, не желая сотрудничать с советскими властями. Однако после оккупации Литвы немецко-фашистскими войсками он вернулся к журналистской профессии и вновь стал главным редактором оккупационной польскоязычной газеты *Goniec Codzienny* («Ежедневный гонец»), тем самым повысив свой материальный и социальный статус (газета была им учреждена после передачи Советским Союзом Виленского края Литве, но закрыта по распоряжению литовского правительства еще до вхождения Литвы в состав СССР). За сотрудничество с немцами Ю. Мацкевич Специальным судом Армии Крайовой был приговорен к смерти. Казнь, однако, не состоялась [Klecel]. По приглашению немецкой стороны он посетил Козьи горы в мае 1943 г. и написал ряд статей о «катынском преступлении большевиков».

Еще одним бенефициаром катынского дела (уже из числа *Volksdeutsche*) был писатель Фердинанд Гетель (1890–1960). Он принадлежал к так называемым гулям — немецкому меньшинству, проживавшему на территории довоенной Польши. Известно, что в сентябре 1939 г. гули, одевшись в национальные костюмы, приветствовали захватывавшие Польшу немецкие войска. Ф. Гетель отличался крайне профашистскими взглядами: так, еще в 1938 г. он написал манифест «Под знаком фашизма» [Goetel], приветствуя нацистский режим и желая установления такого же в Польше. В 1926–1933 гг. он возглавлял польский Пен-клуб, в 1932 и 1939 гг. являлся председателем профсоюза польских писателей.

Именно Ф. Гетель возглавил польскую делегацию в Козьи горы 9–11 апреля 1943 г., которая была сформирована и отправлена во исполнение приказа Гитлера [Przewoźnik, Adamska, S. 204]. Вместе с поляками прилетели Вильгельм Оленбух — начальник отдела пропаганды Варшавского округа и несколько немецких офицеров, в том числе и из гестапо [Там же, S. 206]. Отчет о пребывании «первой польской делегации» в Козьих горах был опубликован в оккупационной газете «Новый курьер Варшавский» под на-

званием «Большевики убили тысячи польских офицеров. Делегация поляков во главе с Фердинандом Гетелем осмотрела шокирующее захоронение» [Bolszewicy... S. 1]. По факту в Козьи горы на место обнаружения захоронений группа прибыла лишь 11 апреля к 9 часам утра, где их встретили полковник вермахта и еще около 50 немецких офицеров [Przewoźnik, Adamska, S. 206]. Вечером делегаты уже вернулись в Варшаву.

Отчет Ф. Гетеля, написанный после посещения захоронений Козьих гор, считается первым «польским рапортом». Польский исследователь Т. Вольша пишет, что этот рапорт имел «внеинституциональный ранг», что означает, что Ф. Гетель передал свой рапорт и в имперское управление пропаганды Карлу Грундману, и в Польский Красный Крест, и в подпольный Лагерь боевой Польши (Obóz Polski Walczącej, OPW). Ф. Гетель так объясняет свои действия: «Передав письмо в Красный Крест, я попросил прислать его копию доктору [Карлу] Грундману в Propagandaamt. Причина, по которой я это сделал, не имела ничего общего с каким-либо «сотрудничеством» по катынскому делу с Propagandaamt. Отправив копию Грундману, с одной стороны, я хотел заставить немецкие власти поручить катынское расследование Польскому Красному Кресту, а с другой — преодолеть сопротивление Красного Креста Катынскому делу наравне с другими учреждениями» [Goetel, S. 10].

Через несколько дней документ получили другие активисты польского Сопротивления, а также руководитель Польского подпольного государства и командующий Армией Крайовой генерал Стефан Ровецкий. Сам Гетель объяснил свою инициативу следующим образом: «...желая представить дело еще более радикально, я сделал несколько копий и передал их доверенным лицам» [Wolsza Wojenne... S. 15].

Польский исследователь Т. Вольша, исследуя роль Ф. Гетеля в катынской провокации, говорит о «предполагаемом сотрудничестве» с оккупационной прессой после его возвращения из Катыни. Анализ оккупационной прессы, в том числе газеты «Новый курьер Варшавский» (Nowy Kurier Warszawski) от 1943 г., выявил один текст, подписанный буквой «G», что, предположительно, являлось обозначением фамилии Гетеля. В 1945 г. Ф. Гетель был обвинен властями ПНР в коллаборационизме. С поддельным паспортом, выданным на имя голландского дипломата Джона П. Ментена, он уехал за границу и поселился в Лондоне, где написал несколько книг воспоминаний [Wolsza Wojenne... S. 11].

Характерной особенностью оккупационной прессы, как отмечает Т. Вольша, была анонимность многих статей. Газеты наряду с радиовещанием являлись основным источником информации. На польской территории, присоединенной к Третьему рейху, газеты издавались как на немецком, так и на польском языке; на территории Генерал-губернаторства, для широких слоев населения, — на польском. Кто как не профессиональные польские журналисты и писатели могли донести до польского населения нужную немецким оккупационным властям информацию?

Неудивительно поэтому, что основную часть первой польской делегации в Катынский лес составляли журналисты из крупнейших оккупационных газет: Казимир Дидура из

немецкоязычной «Краковской газеты» (Krakauer Zeitung), Владислав Кавецкий, представлявший «Гонец Краковский» и немецкое агентство «Телепресс» в Кракове (Goniec Krakowski, Telepress), Ян Кос из «Ежедневника Радомского» (Dziennik Radomski), Юзеф Мацкевич из виленского «Ежедневного гонца» (Goniec Codzienny), Брунон Видера от «Нового голоса Любельского» (Nowy Głos Lubelski), а также неизвестный по имени и фамилии журналист «Курьера Ченстоховского» (Kurier Częstochowski) [Wolsza Wojenne... S. 8–9].

К. Дидура, оставивший «иконографические» снимки Катыни, по совместительству являлся личным фотографом генерал-губернатора Ганса Франка (1900–1946) — рейхслайтера НСДАП, одного из главных организаторов масштабного террора и уничтожения польского и еврейского населения Польши [Wolsza Wojenne... S. 15]. На Международном военном трибунале в Нюрнберге был в числе 24 главных нацистских преступников приговорен к смертной казни.

В Смоленске передовицы о катынском деле в оккупационной газете «Новый путь» писал ее главный редактор К. Долгоненков [Долгоненков, с. 1–2]. В 1930-е годы он работал главным редактором главной областной газеты «Рабочий путь», в сентябре 1943 г. бежал вместе с отступавшими немецкими оккупантами.

Коллаборационистом в данном случае является лицо, которое способствовало делам нацистских преступников или соучаствовало в них. Т. Вольша в одном из исследований, посвященных полякам, побывавшим в Козьих горах весной 1943 г., говорит о том, что часть из них получили некий мандат, т.е. разрешение от Польского подпольного государства на эту поездку, с обязательством представить сведения по ее окончании [Wolsza Wojenne...]. Часть поляков поехали в Козьи горы по приглашению нацистских оккупационных властей по собственному желанию, ведомые своими мотивами. По мнению польского исследователя, согласно сохранившейся документации (отчеты участников мероприятий, публикации и интервью в прессе, включая оккупационную прессу, послевоенные материалы польского Министерства общественной безопасности), в Козьих горах тогда побывало не менее 50 человек [Там же].

Судьба их сложилась по-разному. Так, Зигмунт Ленкевич-Ипохорский после долгого пребывания в концлагере Освенцим-Биркенау, как пишет Т. Вольша, начал сотрудничество с немцами. Не исключено, что именно он подготовил в Варшаве статьи о Катыни, которые затем вышли в печати без подписи автора. За сотрудничество с Германией Ленкевич-Ипохорский был приговорен к смертной казни Специальным военным судом Армии Крайовой; 25 мая 1944 г. приговор был приведен в исполнение [Gondek, S. 118; Wolsza Wojenne... S. 15].

Т. Вольша относит к числу коллаборантов и Владислава Кавецкого, чьи тексты в оккупационной прессе «публиковались по его собственной инициативе. Журналистская работа в репильной прессе была его источником дохода». В. Кавецкий получил крайне негативные отзывы, среди прочего, от Ф. Гетеля, Ю. Мацкевича и доктора М. Вод-

зинского. Последний отметил в своем отчете: «Мы относились к нему как к пособнику немцев с большим недоверием. [...] Г-н Кавецкий подробно рассказал нам о своем враждебном отношении к немцам. На самом деле господин Кавецкий относительно мало интересовался работой в Катыни, но он приходил в лес и часто разговаривал с (лейтенантом полевой полиции. — О.К.) Словенчиком. Он собирал материалы для своего журнала, так как внимательно записывал все наши разговоры на темы, связанные с работой в Катыни, что нас очень раздражало [...]» [Zbrodnia... S. 175]. В. Кавецкий продолжал сотрудничество с немцами и по линии радиостанции «Ванда» [Habielski; Wolsza Wojenne... S. 17]. После окончания боевых действий он безуспешно пытался реабилитироваться перед командованием 2-го корпуса польской армии, был арестован и заключен в тюрьму 12-м полевым судом 2-го корпуса, затем отправлен в гражданский лагерь в г. Барлетта, в августе 1946 г. — снова арестован. В 1947 г. Кавецкий был освобожден из заключения и уехал в Западную Германию, где в 1950-х годах стал сотрудничать с Министерством общественной безопасности, министерством внутренних дел и спецслужбами ФРГ под псевдонимом «Hill» [Wolsza Wojenne... S. 17].

Нельзя не упомянуть еще одного представителя польского литературного сообщества, посетившего Козьи горы весной 1943 г. Речь идет о Мариане Мааке из Кракова. Ни одного подписанного его именем текста о пребывании в Катыни в оккупационной прессе Т. Вольше найти не удалось. В то же время М. Маак в годы войны сотрудничал с оккупационными изданиями «Гонец Краковский», «Иллюстрированный курьер польский» (Ilustrowany Kurier Polski) и «Фермер» (Rolnik). Возможно, писатель анонимно готовил тексты о катынской резне, опубликованные в краковских изданиях. При немецких оккупационных властях он опубликовал несколько литературных произведений, в том числе два романа: «Возвращение Кшиштофа Шароты» (Powrót Krzysztofa Szaroty, опубликован в 1941 г.) и «Три четверти часа для человека» (Trzy kwadransy na mężczyznę, вышел в свет в 1944 г.). По словам Кш. Возняковского, М. Маак создал в своих произведениях уникальную картину войны и оккупации — «принципиально вымышленный, на самом деле сказочный мир», где Генерал-губернаторство существовало без террора, облав, концлагерей и вообще без немцев [Цит. по: Wolsza Wojenne... S. 19]. Таким образом, этот краковский писатель на ментальном уровне способствовал принятию нацистского оккупационного режима польским населением.

В послевоенные годы часть свидетелей, вольно или невольно принявших участие в нацистской провокации с катынским делом, изменили свои показания. Одним из представителей таких «вовлеченных лиц» стал Ф. Адам Шебеста (Adam Szebesta). Выйдя из подполья по объявленной властями ГДР амнистии, он, опасаясь ареста, изменил и свою фамилию (с Schebesta на Szebesta), и показания. В частных беседах о своем участии в нацистской провокации старался не упоминать.

С целью противостояния антисоветской пропаганде в 1952 г. в ПНР была подготовлена и издана книга «Правда о Катыни» [Wójcicki]. В ней, помимо прочего, было опубликовано интервью доктора Адама Шебесты, посетившего Козьи горы весной 1943 г. в бытность его делегатом Польского отделения Красного Креста. Он заявил: «Хотя мое

пребывание в Катынском лесу было недолгим, мне было о чем задуматься. Эффективность и театральность, с которой было организовано это мероприятие, не оставляли сомнений в целях, поставленных его создателями. [...] Однако невозможно — я говорю это как врач, — чтобы за такой длительный период останки столь мало разложились, что я обнаружил в Катыни. Преступление должно было быть совершено намного позже, о чем свидетельствуют также хорошо сохранившиеся части форменной одежды — суконные пальто, брюки, блузки, ремни, туфли, блестящие пуговицы и пряжки, а также относительно свежие документы и письма. Поэтому, когда я уезжал из Катыни, у меня не было иллюзий относительно того, кто виновен в катынской резне. Несомненно, это сделали те же люди, чьи руки обгарены польской кровью, — нацистские мучители» [Цит. по: Wolsza Wojenne... S. 29].

Обращают на себя внимание показания доктора медицинских наук Эдварда Гродского (псевдоним «доктор К. Мински»). В послевоенные годы, раскрывая ответственность Германии за катынское преступление, врач из Влоцлавека напомнил еще об одном важном, на его взгляд, факте — дате объявления Катынского дела и связал его с ликвидацией гетто в Варшаве. Дата публикации первой статьи о Катыни в «Новом курьере Варшавском» — 14 апреля 1943 г. Ликвидация же Варшавского гетто началась 19 апреля 1943 г. «Из моей квартиры, — писал Э. Гродский в 1946 г., — окна которой выходили на гетто, были видны многочисленные лужи крови, в которых утопала прусская нога!» [Wolsza Wojenne... S. 24]

Эта связь параллельного «окончательного решения еврейского вопроса» и «катынского вброса» отмечается целым рядом исследователей.

Ш. Ленштадт выделяет особую группу польских коллаборантов, связывая ее с правым крылом (националистами) Национально-демократической партии Польши (эндеки, *Narodowa Demokracja, Endecja*) [Lehnstaedt Land... S. 55]. Как отмечает Ленштадт, правое крыло эндеков во многом принимало антисемитскую политику нацистов и не рассматривало «окончательное решение еврейского вопроса» в качестве преступления. Кроме того, представители этого крыла не гнушались присвоения еврейской собственности ради обогащения. Для них были характерны симпатии к Германии, сражающейся против Советского Союза, в котором они видели врага. В борьбе против Красной армии, как известно, польские вооруженные части оказывали тактическую помощь Германии [Lehnstaedt Land... S. 55; Friedrich, S. 223–231, 238–243; Lehnstaedt Historischer... S. 507].

Американский исследователь Дж. Циммерман также отмечает крайний антисемитизм правового крыла эндеков [Zimmerman]. Первый командующий Армией Крайовой С. Ровецкий, по отзывам современников, отличался не только патриотизмом и мужеством, но и маловосприимчивостью к антисемитизму. При нем евреи вступали в ряды Армии Крайовой, а в декабре 1942 г. генерал Ровецкий начал поставлять оружие в еврейские гетто для поддержки сил самообороны. Но после того, как в результате предательства С. Ровецкий 30 июня 1943 г. попал в руки нацистов, место командующего Ар-

мией Крайовой занял Тадеуш Коморовский — яркий представитель эндеков. Генерал Коморовский, который открыто симпатизировал антисемитизму, сразу же прекратил поставки оружия в гетто и начал политику исключения евреев из рядов Армии Крайовой [Там же].

Во второй половине 1943 г. антисемитская направленность деятельности Армии Крайовой заметно усилилась. Эта новая, откровенно враждебная евреям политика наглядно выразилась в позиции польского полковника Владислава Линярского — командующего Белостокским округом Армии Крайовой. 30 июля 1943 г. он отдал приказ уничтожить с «тотальной безжалостностью» всех польских шпионов, коммунистов и «коммунистическо-жидовские банды».

В беседе с главой службы безопасности В. Линярский заявил, что, когда речь идет о евреях, акцент нужно делать на их «антипольских заявлениях, контактах евреев с нашими врагами (Советами), участии в советских бандах и нападениях». В сообщениях же Линярского вышестоящему лондонскому руководству (польскому правительству в эмиграции) антисемитизм превалировал даже над антикоммунистическим мотивом. Так, в своем рапорте в Лондон в ноябре 1943 г., после ликвидации белостокского гетто, Линярский пишет следующее: «...независимо от того, насколько чудовищны преступления германцев против евреев, для польского общества удаление евреев из этого региона ... принесло окончание еврейской проблемы... Люди помнят влияние евреев на уничтожение польской культуры во время большевистского правления. Сегодня мы являемся объектом террора со стороны еврейских банд, еврейской ненависти. Мы считаем еврейский вопрос решенным раз и навсегда в этом регионе, если не во всей Польше. Отчаяние «Информационного бюллетеня» (*Biuletyn Informacyjny* – подпольное печатное издание Армии Крайовой) по поводу отсутствия евреев в этом районе встречается с негодованием». И далее Линярский оставляет пугающий комментарий: «отсутствие евреев в торговле и в Белостокском районе — настоящее блаженство, и Слава Богу за тех поляков, которые громко высказались по этому поводу» [Zimmerman, S. 211].

В книге польского историка Анджея Пшевозника, руководившего в 1992–2010 гг. работой Совета охраны памяти борьбы и мученичества Республики Польша, приведена фотокопия Обращения германских оккупационных властей № 35 от 13 апреля 1943 г. к населению Генерал-губернаторства в связи с Катынью. А. Пшевозник, со своей стороны, утверждает, что эту листовку сочинили и распространили деятели польского движения Сопrotивления. Так это или нет, документ заслуживает внимания.

В нем, в частности, есть такие слова: «По инициативе Главного отдела пропаганды Генерал-губернаторства 11 апреля сего года проведена экскурсия для представителей польской общественности в Смоленск, чтобы они могли там воочию убедиться в совершенных большевиками зверских убийствах поляков. Это имело цель повысить осведомленность польской общественности о судьбе, которая ожидала бы поляков, если бы большевикам удалось вторгнуться на польские территории, сейчас оккупированные

немцами. Материалы, привезенные польскими делегатами, будут доведены до общего сведения при помощи прессы и брошюр. В связи с этим по рекомендации правительства Генерал-губернаторства в самое ближайшее время будет организована экскурсия в концентрационный лагерь Освенцим для представителей всех национальностей, проживающих на территории Генерал-губернаторства. Экскурсия имеет целью показать, насколько гуманно, по сравнению с методами большевиков, немецкие устройства, предназначенные для ликвидации населения Польши. Немецкая наука внесла огромный вклад в культурное наследие в этой области, ибо вместо отвратительного и примитивного способа умерщвления, в Освенциме можно увидеть современные устройства, такие как газовые камеры, паровые, электрические плиты и т.п., позволяющие ликвидировать тысячи поляков в неслыханно короткие сроки способом, соответствующим достойному немецкому народу. Достаточно вспомнить, что производительность крематория только в Освенциме уже сейчас составляет 3 000 человек в день.

В летние месяцы предсказываем экскурсии популярными поездами до концентрационных лагерей в Маунтхаузен, Ораниенбург, Дахау, Равенсбрюк и т.д. Руководителям всех учреждений на территории Генерал-губернаторства следует разместить это объявление на видном месте и в обязательном порядке способствовать участию в этом своих подчиненных... Отдел пропаганды в Кракове, площадь Клепарская, 4» [Przewoźnik, Adamska, il. 44].

В оккупированной нацистами Польше были запрещены все политические и общественные организации как национального, так и регионального уровней. Исключением были две общественные организации — Главный опекунский совет и Польский Красный Крест.

Главный опекунский совет (Rada Główna Opiekuńcza, RGO), заново созданный в январе 1940 г., получал ежемесячную субсидию от властей Генерал-губернаторства. В 1942 г. эта сумма составила 2,4 млн злотых (официальный курс злотых к рейхсмарке составлял 2:1). Кроме того, Главный опекунский совет получал деньги от спонсоров (около 900 тыс. марок) и германской администрации Варшавы (порядка 2,4 млн марок). Совет работал в тесном сотрудничестве с католической церковью. Возглавлял его Адам Феликс Роникер, он же возглавлял аналогичную структуру, созданную в оккупированном немцами Царстве Польском в годы Первой мировой войны. Основной целью деятельности Главного опекунского совета была благотворительность. Он содержал 75 суповых кухонь и 45 других благотворительных учреждений — складов одежды, пунктов медицинской помощи, распределителей продуктов питания и проч. для перемещенных лиц и беженцев. До 900 тыс. человек ежедневно получали питание на кухнях Главного опекунского совета [Lehnstaedt Land... S. 58]. Не исключено, что щедро спонсируемая нацистскими властями разветвленная сеть заведений Главного опекунского совета служила прикрытием контрразведывательной работы германских спецслужб.

Местечко Козьи горы в Катынском лесу в составе самой первой польской делегации 9–11 апреля 1943 г. посетили представитель Главного опекунского совета Эдмунд

Зейфрид (Edmund Seyfried) и упомянутый выше Ф. Гетель, который также являлся членом этой организации. Как отмечается в официальной биографии Ф. Гетеля, в годы оккупации он оказывал помощь некоторым польским писателям и журналистам. Напомним, что средства эти напрямую поступали от германских оккупационных властей.

Эдмунд Зейфрид, как считается, «поначалу весьма скептически отнесся к немедленному отъезду делегации Главного опекунского совета в Катынь, даже сомневался в целесообразности поездки. В результате он прибыл на место советского преступления как частное лицо» [Wolsza Wojenne... S.12]. Вероятно, статус «частного лица» снимал с него ореол председателя организации, спонсировавшейся германскими оккупационными властями.

Тем не менее, несмотря на публично выказанное нежелание ехать, отказаться своим германским спонсорам Э. Зейфрид не мог. Сразу же по возвращении он представил руководству Главного опекунского совета «отчет о рейсе в Смоленск» из двух частей. В первой «он сослался на все аргументы (выделено нами. — *О.К.*), с помощью которых немцы убедили поляков в ответственности Советского Союза за катынскую резню» [Wolsza Wojenne... S.12]. Завершил же Зейфрид отчет «личными выводами». В этой части он, во-первых, подчеркивал, что жертвами были поляки из Козельска, во-вторых, призывал к учреждению польского комитета для расследования этого дела, а также говорил о необходимости направить в Катынский лес делегацию Польского Красного Креста [Там же]. В 1953 г. Зейфрид, оставшийся в Польше, был арестован и приговорен к 10 годам лишения свободы — не за соучастие в катынской провокации, а за получение в послевоенный период крупных денежных переводов из-за границы, происхождение которых он не смог объяснить [Goetel, S. 156].

Польское отделение Международного Красного Креста — вторая польская общественная организация, которая не была запрещена нацистскими оккупационными властями. Следует отметить, что к апрелю 1943 г. территория Польши уже три с половиной года находилась под властью гитлеровской Германии. За все это время ни польское эмиграционное правительство, ни Международный комитет Красного Креста (МККК), ни Польский Красный Крест не изъявляли желания расследовать какие-либо преступления Холокоста на территории оккупированной Польши. Роль МККА в годы Второй мировой войны весьма неоднозначно оценивается в мировой историографии, и это во многом связано с позицией этой организации по отношению к Холокосту.

Руководство Международного комитета Красного Креста было осведомлено о нацистской программе «окончательного решения еврейского вопроса» еще в середине 1930-х годов, но не сделало никаких попыток предотвратить реализацию этих преступных планов или привлечь к ним внимание международной общественности [Sandoz, p. 183]. Макс Губер, глава МККА в 1928–1944 гг., позже объяснял свое «молчание» тем, что Красный Крест, будучи нейтральной организацией, не должен раскрывать имеющуюся у него конфиденциальную информацию о положении дел в той или иной стране третьим странам даже при наличии запроса [Sandoz, p. 187–188].

В годы Второй мировой войны Международному комитету Красного Креста было известно о созданных гитлеровцами концентрационных лагерях и лагерях смерти. Однако ни МККА, ни Германский Красный Крест, ни Польский Красный Крест не предприняли в этой связи никаких действий или инициатив по информированию о нацистских преступлениях, их расследованию, созданию международных комиссий.

По отношению к Холокосту руководство Международного комитета Красного Креста осознанно выбрало позицию пассивного наблюдателя. М. Губер, по профессии правовед, теоретик международного права, обосновывал ее следующим образом: даже если в стране имеется «группа граждан, преследуемых их собственным правительством и лишенных прав, которыми пользуются остальные граждане, это, как ни парадоксально, не позволяет иностранцам вмешиваться в их защиту» [Sandoz, p. 190–191]. Итак, согласно логике председателя МККК, Красный Крест не мог даже пытаться противодействовать Холокосту, поскольку уничтожаемые евреи были гражданами Германии. Исходя из своего статуса как нейтральной организации, МККА в данном случае считал невозможным вмешиваться во внутренние дела государств.

На этом фоне особенно показательно, что МККА активно включился в поддержку и информационное продвижение нацистской версии катынского дела. Почему же весной 1943 г. Красный Крест в лице национальных комитетов — не только германского, но и польского, действовавших по согласованию с Международным комитетом, решил нарушить свой нейтралитет?

Говоря о действиях Польского Красного Креста в Козьих горах под Смоленском, авторы монографии «Катынский синдром» утверждают, что «обнаружение жертв входило в его прямые обязанности» [Яжборовская, Яблоков, Парсаданова, с. 155]. В этой связи отдельного внимания заслуживают главные функционеры данной организации.

Прежде всего — Александр Осинский, до 1917 г. — офицер Русской императорской армии (с 1916 г. — генерал-майор), главнокомандующий польской армией на Украине (1918), участник польско-советской войны 1919–1920 гг., генерал Польской армии (1921–1935), затем политик и сенатор, являвшийся в мае 1937 г. — августе 1940 г. руководителем и соруководителем Польского Красного Креста. В предвоенный период А. Осинский возглавлял региональное отделение Лагерь национального объединения (Obóz Zjednoczenia Narodowego, OZN/ ЛНО) — политической организации, созданной в 1937 г. маршалом Эдвардом Рыдз-Смиглы и продвигавшей в том числе антисемитскую идеологию. В программе ЛНО евреи назывались «иностранными элементами» по отношению к польскому народу, которые потому «не могут принимать участие в его „сегодняшнем дне“ или вносить вклад в его „завтра“». Организация выступала за «значительное сокращение численности евреев в Польше», а ее молодежное ответвление принимало активное участие в антисемитских акциях.

В годы Второй мировой войны представители Польского Красного Креста игнорировали регулярно совершавшиеся в польском Генерал-губернаторстве преступления

Холокоста, в том числе такие как окончательная ликвидация Краковского гетто 13–14 марта 1943 г. или ликвидация Варшавского гетто. Одновременно тот же Польский Красный Крест с готовностью откликнулся на приглашение нацистов направить своих представителей в далекий Смоленск для проверки берлинского заявления о советском преступлении в Катынском лесу.

Стоит особо отметить, что деятельность Международного комитета Красного Креста, национальных комитетов КК и их отдельных представителей в контексте Катынского дела до сих пор не становилась предметом научного исследования. И в целом многие материалы о деятельности МККК в годы Второй мировой войны остаются засекреченными, так же как и информация о судьбах их главных функционеров.

В частности, засекречен и закрыт для исследователей составленный в 1948 г. отчет Международного Комитета Красного Креста о своей деятельности в период Второй мировой войны. Предпринятая в 1996 г. попытка рассекретить его вызвала целый ряд публикаций обвинительного характера, после чего проект был свернут. Между тем можно констатировать, что деятельность МККК и его национальных — германского и польского — комитетов сыграла далеко не последнюю роль в достижении главной цели катынской пропагандистской операции Берлина.

Считается, что к этническим полякам не поступало официального обращения немецких оккупационных властей о сотрудничестве. Единственное исключение — обращение Генерал-губернаторства о работе в Польской строительной службе (Baudienst), когда набирали добровольцев для строительства дорог и других сооружений. Хотя германцами предлагались еда, проживание и небольшая ежедневная оплата, вместо необходимых 150 тыс. рабочих тогда удалось нанять только 45 тыс. [Lehnstaedt Land..., S. 55]. Помимо этого, как отмечает Ш. Ленштадт, только дважды Гитлер разрешил формулировать обращения к полякам в категориях сотрудничества — летом 1941 г. и весной 1943 г.

В обоих случаях (нападение Третьего рейха на СССР и обнаружение тел польских офицеров в Катыни) «представлялась возможность для пропаганды» [Lehnstaedt Land... S. 55]. В первом случае немецкая пропаганда делала акцент на том, как полезны могли бы быть польские солдаты для вермахта в предстоящей войне против Советского Союза. Во втором случае с подобной инициативой отдельно друг от друга выступили генерал-губернатор Г. Франк и исполнявший обязанности начальника Главного управления имперской безопасности рейха Г. Гиммлер. На пропагандистскую катынскую акцию разрешение было получено, в отличие от вербовки польских добровольцев непосредственно в ряды вермахта.

Между тем известно, что поляки-аковцы (части Армии Крайовой) к тому времени уже сотрудничали с немецкими властями, в частности, получая от них оружие и проводя карательные акции против советских партизан и мирного населения на территории западных областей Украины, Белоруссии, а также Виленской области Литвы.

В немецкой «голубой полиции» (Policja granatowa), названной по синему цвету униформы, служило 12 тыс. поляков — столько же, сколько и немецких офицеров правоохранительных органов. Они помогали, помимо прочего, в осуществлении Холокоста, играли значительную роль в облавах на евреев и несут ответственность также за другие преступления [Lehnstaedt Land... S. 60].

Те силы, которые помогали Берлину в осуществлении катынской провокации — путем ее широкой информационной поддержки — сложно назвать не только «демократическими», но даже политически нейтральными. Так, в числе тех, кого нацисты отвезли в Козьи горы, были слушатели курсов пропагандистов власовской Русской освободительной армии (РОА). В газете «За свободу», издававшейся для бойцов РОА, читаем: «Идут машины с немецкими солдатами; вот она, дружественная нам армия, избавившая нас от кровавых ужасов. Немецкие, русские и польские солдаты ведут общий разговор, делясь впечатлением о виденном, единая нота разговора — возмущение. Вот оно, содружество народов Европы! Это только маленькая часть тех, кто уже держит оружие в руках по борьбе с большевизмом. Они пойдут в свои части и разнесут эту весть о кровавом преступлении большевизма и мирового жидовства. Да! Мрачное остается позади. Теперь к светлому будущему, вместе со всеми народами Новой Европы под руководством Фюрера!» [«За свободу»].

В заключение необходимо отметить, что существующий на протяжении десятилетий в катынской историографии дуалистический подход «палачи — жертвы» («katy — «katowani») является устаревшим и не отвечает современным научным подходам к изучению преступлений периода Второй мировой войны. Перспективным нам представляется, в частности, применение теоретических разработок, используемых для изучения Холокоста, а именно: признание наличия «серой зоны» в катынском преступлении, а также введение в поле исследования различного рода акторов — бенефициаров, коллаборантов, наблюдателей, вовлеченных лиц и других. Кроме того, целесообразно учитывать фактор польского коллаборационизма с нацистами в реализации катынской провокации 1943 г. — на уровнях индивидуального соучастия, общественного (Главный опекунский совет, Польский Красный Крест) и институционального (Армия Крайова).

В политике Третьего рейха четко прослеживается связь и параллельность форсирования «окончательного решения еврейского вопроса» и «катынского вброса». После Сталинградской битвы, ставшей коренным переломом в ходе Второй мировой войны, в немецкой политике произошел сдвиг. Во-первых, было решено усилить антисемитскую пропаганду и ускорить «окончательное решение еврейского вопроса», что привело к началу массовых ликвидаций гетто. Во-вторых, тогда же стал форсированно продвигаться концепт «Новая Европа», призванный сплотить оккупированные страны на борьбу против Красной армии под руководством Германии. Достижению этой цели служила геббельсовская пропаганда, которая должна была убедительно показать, что «кровавый сталинский режим» еще более кровав и жесток, чем нацистский. В рамках этой концепции и была срежиссирована и осуществлена катынская постановка [Подробнее см.: Корнилова Возникновение...].

Катынскую нацистскую провокацию активно поддержали те польские политические и общественные силы, которые не только отличались крайними антисемитскими взглядами, но и одобряли Холокост и являлись его бенефициарами.

Литература

- Долгоненков К. Чудовищное злодеяние большевиков // Новый путь. № 31 (153). 18 апреля 1943 г.
- «За свободу». Смоленск. № 14. 1 мая 1943 г.
- Ильницкий А. М. Стратегия ментальной безопасности России // Военная мысль. 2022. № 4. С. 24–35.
- Кикнадзе В. Г. «Катынь» в пропаганде, правовых оценках и судебных решениях, научном, политическом и общественном дискурсе // Вопросы истории. 2021. № 4(1). С. 74–93. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202104Statyi04
- Кикнадзе В. Г. Как защитить свою историю? Государственная политика современной России в сфере сохранения исторической памяти и обеспечения медиабезопасности: направления, противоречия, результаты и перспективы. М. 2022.
- Корнилова О. В. Возникновение и становление «Катыни» как места памяти: пропагандистская операция Третьего рейха в 1943 году // Наука. Общество. Оборона. 2021. Т. 9. № 3(28). С. 23–23. — URL: noo-journal.ru/nauka-obsestvo-oborona/2021-3-28/article-0289/ (дата обращения: 13.09.2022).
- Корнилова О. В. Польские отрицатели «Катыни» и Нюрнберг для Сталина // Наука. Общество. Оборона. 2022. Т. 10. № 3(32). С. 19–19. — URL: noo-journal.ru/nauka-obsestvo-oborona/2022-3-32/article-0320/ (дата обращения: 13.09.2022).
- Нора П. Проблематика мест памяти // Нора П., Озуф М., Пюимеж Ж. де, Винок М. Франция-память. СПб. 1999. С. 17–50.
- Яжборовская И. С., Яблоков А. Ю., Парсаданова В. С. Катынский синдром в советско-польских и российско-польских отношениях. М. 2001.
- Bolszewicy zamordowali tysiące polskich oficerów. Delegacja Polaków z Ferdynandem Goetelem na czele oglądała wstrząsające cmentarzysko // Nowy Kurier Warszawski. 1943. № 89 z 14 kwietnia.
- Cultural Memory of Past Dictatorships: Narratives of Implication in a Global Perspective. Online Symposium hosted by University College Cork. 19–20 May 2022. — URL: clck.ru/32Qu5k (date of access: 13.09.2022).
- Cymet D. Polish state antisemitism as a major factor leading to the Holocaust // Journal of the Genocide Research (1999). 1(2). P. 169–212.
- Etkind A. Remembering Katyn. 2012.
- Goetel F. Lot do Katynia. // Żaróń P. Przegląd Tygodniowy. 1989. № 21. S. 10.
- Friedrich K.-P. Polen und seine Feinde (sowie deren Kollaborateure): Vorwürfe wegen 'polnischer Kollaboration' und 'jüdischer Kollaboration' in der polnischen Presse (1942–1944/45) // "Kollaboration" in Nordosteuropa in der ersten Hälfte des 20. Jahrhunderts: Erscheinungsformen — Reieption — Geschichtspolitik. Wiesbaden. 2006.
- Gondek L. Polska karząca 1939–1945. Polski podziemny wymiar sprawiedliwości w okresie okupacji niemieckiej. Warszawa. 1988.
- Goetel F. Pisma polityczne „Pod znakiem faszyzmu“ oraz szkice rozproszone 1921–1955. Kraków. 2006.

- Götz N. German-Speaking People and German Heritage: Nazi Germany and the Problem of "Volksgemeinschaft" // *The Heimat Abroad. The Boundaries of Germanness*. Ann Arbor. 2005. P. 58–81.
- Habielski R. Radiostacja „Wanda”. Relacja Władysława Kadeckiego // *Dzieje Najnowsze*. 1989. № 1.
- Klecel M. Powrót Goetla // *Buletyn IPN*. 2007. № 72 — 73 (1–2). S. 80–87.
- Lehnstaedt St. A «Land without Quisling» // *Complicated Complicity: European Collaboration with Nazi Germany during the Second World War*. Berlin / Boston. 2021. S. 53–68.
- Lehnstaedt St. Historischer Antisemitismus im heutigen Polen: Das Biespiel der Narodowe Sły Zbrojne // *Zeitschrift fur Geschichtswissenschaft*. 2019. № 67(6). S. 497–517.
- Przewoźnik A., Adamska J. *Katyn. Zbrodnia, prawda, pamiec*. Warszawa. 2010.
- Sandoz Y. Max Huber and the Red Cross // *The European Journal of International Law*. 2007. Vol. 18. № 1.
- Sowa A.L. *Kto wydal wyrok na miasto. Plany operacyjne ZWZ–AK (1940–1944) i sposoby ich realizacji*. Cracow. 2016.
- Wójcicki B. *Prawda o Katyniu*. Warszawa. 1952.
- Wolsza T. «Katyń to już na zawsze katy i katowani». W «polskim Londynie» o sowieckiej zbrodni w Katyniu 1940–1956. Warszawa. 2008.
- Wolsza T. Wojenne i powojenne losy polaków wizytujących miejsce zbrodni katyńskiej w 1943 roku // *Polska 1944/45–1989. Studia i Materiały* 2009. № 9. S. 7–29.
- Zbrodnia katyńska w świetle dokumentów*. London. 1948.
- Zimmerman J. D. The Polish Underground Home Army (AK) and the Jews: What Postwar Jewish Testimonies and Wartime Documents Reveal // *East European Politics and Societies and Cultures*. Vol. 34. № 1. February 2020. S. 194–220.